

ЛЕОНИД ГЕРЖИДОВИЧ

ТАВОЛГА

Леонид Гержидович

095723

ТАВОЛГА

СТИХИ

Кемеровское книжное издательство
1979

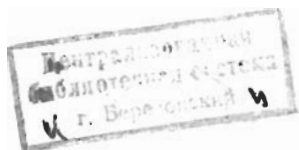
P₂
Г37

✓

149213

✓

△

Г $\frac{70402-10}{M145(03)-79}$ 25-79

© Кемеровское книжное издательство, 1979

ТАВОЛГА

Не пихма, не коневник,
Как в сотах мед,
Цветет белоголовник,
Цветет, цветет.
Жужжат шмели тяжелые.
Мураш и тот
Снешит по стеблю желтому:
--- Ах, где там мед?
Долину понадречную
И склон горы
Фатою подвешенною
Июль укрыл.
Тайга медовым запахом
Напоена
И каждой травкой махонькой
Пьяным-пьяна.
Ах, таволга, ах, таволга,
В звенящий зной
Влилась мне в душу надолго
Ты белизной.

Люблю тебя я,
Родина,
В моей крови,
Гляди,
Заколобродили
Меда твои.
Мне б ко всему причастным быть,
Везде успеть...
Об этом лете ласковом
Как не запеть!
В душе соцветий радуга
И слов игра.
Белоголовник, таволга —
Моя пора.

СИБИРСКИЙ СОЛОВЕЙ

Не в саду в сиреневом затишьи,
А в тайге под кружевом ветвей,
Может быть, вам приходилось слышать,
Как поет сибирский соловей.
У него особые манеры,
Своенравный у него полет.
Он не любит городские скверы
И в садах влюбленным не поет.
Не с того ли в праздные субботы,
За спицы забросив рюкзаки,
Про дела забыв и про заботы,
В глухомань уходят рыбаки.
На талине, у речного плеса,
Где-то недалеко от костра,
Вдохновенно и разногласо
Соловей лютует до утра.
В тихих водах месяц серебрится,
И не слышен шорох камыша.
Кажется, поет совсем не птица,
А тайги стозвучная душа.

И бредет ночной тропинкой лето,
Утопая в травах у реки,
И не снят до самого рассвета
У костров притухших рыбаки.

ЛЕТО

Мне не зрелую грушу
И не спелую вишню.
Застегнуть бы мне душу
Желтой пуговкой пижмы,
Чтобы взятое в вожжи
Это легкое лето
Сохранить в себе дольше
И не выронить где-то.
Через рвы и канавы
С опрокинутой тучи
Расплываются травы
Широко и летуче.
А по гнездам, взгляни-ка,
И у махонькой птички
Песня, как земляника,
Зреет в каждом яичке.
Целит солнце в макушки.
Все живет и смеется.
Даже в крохотной мушке
Негасимое солнце.

В комаре и осине
Радость жизни и света.
Мне не осень, не зиму,
Мне бы лето и лето!

ЖИМОЛОСТЬ

Я парень смелый и решительный,
При симпатичной бороде,
Ищу попутчицу по жимолость
И не найду ее нигде.

Повсюду местные красавицы
Мне говорят в противовес:
— Нам эти ягоды не нравятся,
Мы не пойдем с тобою в лес.

А эта жимолость, поверьте мне,
И старику разбудит кровь,
В тайге среди ягод зреет первую
Она — что первая любовь.

Попробуй к ветке приголубиться —
Нет ягод слаще и вкусней!
Поешь ее —
И сразу влюбишься.
Такая сила скрыта в ней.

* * *

Из гнезда копалухой
К полдню выведен зной.
Зацветает синюха,
Колокольчик лесной.
Из-за марева веток
Вышло солнце в зенит.
И, мне кажется,
Лето
От натуги звенит.

* * *

Иду по солнечному лугу.
Передо мной цветок горит.
И протянул к нему я руку,
А он:
— Не трогай!—
Говорит.

Г. Юрову

Как строчка яркого стиха,
Своя —
Ни в чем неповторима —
Хариусиная уха
С приправой талового дыма.

В ней и воды, и неба сплав.
Она земли вобрала соки
И запахи прибрежных трав,
И нежность утренней протоки.

У продуваемых песков,
Фуражку сдвинув на макушку,
Я из медвежьих волосков
Творю искусственную мушку.

И начинается игра:
Обманка в трепетном полете,
А парус синего пера,
Как молния, в водовороте.

Подсечь —
Что влет бекаса снять,
И просто не дается это.
...Незабываемая страсть
Неувядаемого лета.

* * *

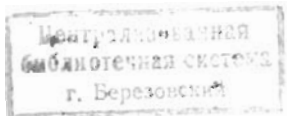
Гром ударил раскатом.
И, как жалкий мураш,
От дождя был я спрятан
В свой рыбацкий шалаш.
Время тихо бежало.
И, казалось, душа
Мир и жизнь округляла
Скорлупой шалаша.
Из-под сумрачной крыши
На прибитый песок,
Как из ямы, я вышел.
Дождь притих и умолк.
Гуч литых надо мною
Разорвалася цепь.
И пришло вдруг такое,
Будто прежде был слеп.
Разбежались, как цапли,
Вдоль воды тальники,
С них тяжелые капли
Били в бубен реки.

Солнце в листьях дробилось,
Лило медь по волне
И, как рыбина, билось
В голубой глубине.
Трав стремительных стрелы
Рвались ввысь от земли.
Вместе с ними хотелось
Мне тянуться в зенит.
И, как вольная птица,
В синь сквозную спеша,
Не могла уместиться
Под рубахой душа.

Для рыбалки,
Елки-палки,
Знать, не клевый выбран день.

Дома снова будут шпильки:
У жены острей крючок,—
Даст мне кильку,
Сунет вилку,
Скажет:
— Кушай, рыбачок!

149213

КОНЕЦ ИЮНЯ

В листе свернулся коконом июнь.
Весь день с водой не расстаются лоси.
И борщевик — белоголовый лунь —
Свою под солнцем караулит осень.
Свистят утята тихо у воды.
И с криками на первую из ягод,
На жимолость, слетаются дрозды,
Соскучившись по лакомому за год.

Воздух — мята. Травы — мед.
Пихтовая родина.
И зовет меня, зовет
Красная смородина.

В берестяный туесок,
Как рубины-яхонты,
Пробираясь сквозь лесок,
Опускаю ягоды.

Пальцы — словно в кумаче.
Сок сочится с доньшка.
И букашка на плече
Красная, как солнышко.

Берестяный туесок
Полон спелой ягоды.
Выхожу на бережок,
На песок агатовый.

Изгибается дугой
Тропка за колодиной.
Солнце стелется рекой,
Спелую смородиной.

* * *

Бродит в поле ночью тихою
Сенокосная пора.
С Ритой — нашей поварихою —
Мы сидели у костра.

Не сказать, что я отчаянный, —
С детства скромником я жил.
Руку будто бы нечаянно
Ей на плечи положил.

Прошептать бы Рите: «Миленький...»
А она, ни дать ни взять,
Обласкала подзатыльником
И ушла в палатку спать.

И от этой от затрещины
Стало просто мне невмочь...
За костром я, как за женщиной,
Проухаживал всю ночь.

* * *

Где метляк под елью мглистой
В золотой склонило сон,
Я вплету в твое монисто
Лунных блесков перезвон.

Уведу тебя отавой
За широкие стога.
Будет лось золотоголовый
О сосну точить рога.

Утро вспыхнет свежим чудом,
Белка цокнет на сосне.
...Что нам суды-пересуды
О тебе и обо мне!

* * *

У лесного перекрестка,
Различимые едва,
Прошептала мне березка
Непонятные слова.

Что-то ветер хворостинкой
Проиграл на бересте.
А в душе моей — грустинка,
Как росинка на листе.

ПО ТАЙДОНУ

Жаканом втиснут
В тугой патрон —
Под небом мгlistым
Мой плот в Тайдон.
И вот взведенным
Курком остер
В бурун, взъяренный,
Вошел багор.
И я, как выстрел,
— Эгей, держись! —
Легко и быстро
Помчался вниз.
Навис над бортом
Водоворот.
Кручусь я чёртом,
И плот мой — чёрт.
С курчавой кручи
Сквозь ливень брызг
Лечу по тучам
Куда-то вниз.

Сквозь шум и рокот,
Как пулей лось,
Рубеж порога
Пробит насквозь.
Тиха протока
У камыша,
И лишь порогом
Во мне душа.
Над ветроломом
Сосна, как флаг...
А я-то дома
Торчал, чудак!

ЗУБЧАТАЯ ГОРА

За тайгой уступчатой,
Где горят гольцы,
На горе на Зубчатой
По краям зубцы.
И на них дремучая,
Выплыв из низин,
Наколелась туча,
Как на вилку блин.
Где с Таскыла пропастью
Ширь во все концы,
Выцелил я компасом
Острые зубцы.
Нет, не слыл я слабеньким,
Но, сбивая шаг,
К мхам, к березкам-карликам
Гнул меня рюкзак.
Говорила вдумчиво
Реченька Растай:
«Думы ты о Зубчатой
О горе оставь.

Горы — не горошины —
Враз все не возьмешь.
Ты в тайге нехоженной
Сгинешь, пропадешь».
И тропинкой ломкою,
Меж камней звеня,
Увела сторонкою
Речка вниз меня.
Сытой волчьей стаей
Расступился лес.
И гора растаяла
В мареве небес.
Дни мелькают спицами.
Только до сих пор
Неотвязно снится мне
Рваный гребень гор.
Над тайгой нехоженной
Видится голец
И рюкзак,
Наброшенный
Лямкой на зубец.

* * *

С трубою черной на макушке
И с белой лайкой у дверей
В ложине пряталась избушка,
И в ней я жил в краю зверей.
Один до родниковой речки
С ведром торил тропу в метель,
Рубил дрова, курил у печки
И сам стелил себе постель.
Во всем придерживался меры,
Себя любя и не любя,
И выгнездить пытался веру
Одну лишь — в самого себя.
Стреляя дичь по перевалам,
Я жил себе, как в ножнах нож,
И думал: с этаким забралом
В тайге никак не пропадешь.
Мели снега, и зори висли.
И я не ведал, что лыжней
Моя беда коварной рысью
Повсюду следует за мной.

Когда пургою ты захлестан
И рядом друга не видать,
Себя во всем совсем не просто
Боготворить иль убивать...
И стал мой сон, как призрак, зыбок.
И, просочась в мое жилье,
Ко мне вскочило на загривок
Уединение мое.
Оно упрямо издевалось,
Оно глумилось надо мной:
То тьмой полуночной шепталось,
То хохотало тишиной.
То, убегая за увалы,
Вело меня в забытый сон,
То вой метели превращало
В пронзительный трамвайный звон.
И я, как пойманный, метался,
И был раздавлен я и сир,
А где-то плакал и смеялся
Так просто брошенный мной мир.
И за спиною дверь вздыхала,
И был готов бежать я в ночь.
И лайка руки мне лизала,
Не зная, в чем и как помочь.

Снег, укрой сегодня землю,
Ели пухом оторочь.
На стене двустволка дремлет,
За окном поскольку ночь.

Жмутся шорохи к сторожке.
И, не мысля ни о чем,
У порога пес сторожко
Спит, свернувшись калачом.

День себя лишь обозначит
Синей щелью у дверей —
Нам удача замаячит
Хитрым ребусом зверей.

И чтоб пес мой лучше чуял,
Мог в охоте мне помочь,
Снег, укрой тайгу ночную,
Ели пухом оторочь.

* * *

По охотничьей чаще
Параллельной лыжней
Неудача с удачей
Следом ходят за мной.

Будто молния, быстро
Врезал небо косач,
Мигом выверен выстрел:
И косач — под пихтач.

Он красив и изящен,
Черный, красная бровь,
А под бровью горячей
Каплей
Светится кровь.

Радость поступись лисьей
Отошла не спеша,
И отстрелянной гильзой
Задымилась душа.

* * *

Как могло случиться?
Простофилей
Я вконец запутался в тайге.
Над моей бедой смеялся филин
В тучном и косматом сосняке.

И когда, запутан и закружен,
Я подумал, что всему конец,
В тьме крошечной уловили уши
Ручейка негромкий бубенец.

Но гремело громогласным гимном
В нем мое спасенье из беды.
Я поднялся и по травам гиблым,
Как медведь, продрался до воды.

Ручеек был, в общем, пустяковым,
Но я знал: петляя по тайге,
Он меня, как поводырь слепого,
Поведет и выведет к реке.

* * *

Где летом в Яю Барыня
Вбегала впопыхах,
На льду сижу я барином
В тулупе и пимах.

Пусть холодно, да только мне
Обидеться нельзя:
Из лунки лезут окуни —
Бояре да князья.

От старости горбатые,
Колючие — не тронь.
Костюмы полосатые,
Застежки, как огонь.

На кончике удильника
Танцует сторожок,
Как ночью у светильника
Мохнатый мотылек.

И чтоб в подсечке выгодно
Сработала рука,
Костер у лунки прыгает —
Мне преданный слуга.

РАССКАЗ РЫБАКА

Промерзнув на Кипате,
Как с корабля на бал,
Я к деду на полати
В Тихеевку попал.
И чтоб не дал я дуба,
Дед вырешил мне шубу.

С лекарствами соседка
Три ночи и три дня,
Как от гнезда наседка,
Ни шагу от меня:
--- Жена, поди-кось, дома,
А ты, как тот Ерема!..

С термометром под мышкой
В бреду шептал я ей:
Женат, мол, на мормышках.
И клялся: «Вот ей-ей».
Болезнь смекнула что-то
И скрылась за ворота.

Когда я слез с полатей,
Сказал дед Пантелей:
— Бывай здоров, да, кстати,
Впредь боле не болей.
— Спасибо, дед, за шубу,
Теперь я крепче дуба!

И впрямь я не болею.
Живу, не зная бед.
Чту деда Пантелея—
Он мой теперь сосед.
Попала в жены цепко
Ко мне его соседка.

* * *

По чащам отбесились ветры.
И, опрокинутые в сны,
Пургой измученные кедры
Глухим безмолвием полны.

Кустов, упрятанных в сугробы,
Торчат убогое прутье,
Зверьем простроченные тропы
Ушли под снег в небытие.

Лес тих, угрюм и первобытен,
Но руслом,
Спрятанным в логу,
Мне из-под снега ясно виден
Свой след,
Ведущий к большаку.

ДУРНОЙ КЛЮЧ

Ходили ветры грубо,
Мороз из кожи лез.
Валили лесорубы
Напропалую лес.
И штабелями ровно,
Под вагами стуча,
Легли устало бревна
У стылого ключа.
Нужна была дорога...
Ушла депеша в трест:
«Дорога — это много
И времени, и средств.
Не лучше ли, однако,
(Зачем готовить гать?)
Водой до Туганака
Лес по логу угнать».
Но ни зимой, ни летом
Таежному ключу
Была работа эта,
Увы, не по плечу.

Забит корой да илом
Меж бережков своих,
Он быстро обессилел,
Смирился и затих.
И бревна-исполины,
Осев и тут и там,
Как дохлые налимы,
Чернели по кустам.
По тропке осторожно,
Пересекая лог,
Шла лошадь вдоль валежин,
На лошади — седок.
Бровями озабочен
И бородой колюч,
Он говорил рабочим:
— Дурной, однако, ключ.
Вода, что баба, — дура,
И все ей сходит с рук.
Погибла кубатура —
И премии каюк.
А парень бородатый,
Кряжистый сучкоруб,
Спросил:
— При чем вода-то?
И мат сорвался с губ.
И сколько —
Год иль два ли, —
Никто не мог сказать,
Виновного искали,

Чтоб поделом воздать.
А после без печали
Содеянному в смех
Ручей Дурным назвали.
Он безответней всех.

ДЕДУШКИНА РЕЧКА

В Барзасе — Дедушкина речка.
Когда-то, бородат и сед,
У этой речки в мрачный вечер
Сидел, как пень, сутулый дед.
Что за печаль его сгибала?
О чем кручинилось ему?
Поньше речка не сказала
Об этой тайне никому.
Быть может, чью-то бессердечность
Увидеть деду довелось,
И горемыка к этой речке
Обиду на людей унес.
Под птичьи крики одичало
Ложилась ночь на тайгу,
И хижина его стояла
Одна, как перст, на берегу.
Но как-то раз из-за излучки
Сквозь пихтачи и бурелом
Пришли сюда неожиданно люди
И заложили первый дом.

Им не промолвив ни словечка,
Ушел старик. И с тех времен
Прозвали Дедушкиной речку,
Которую покинул он.
И до сих пор по битой тропке
Лишь, речка, подойдешь к тебе,
В твоём напеве слышен ропот
О горькой дедовой судьбе.

ЛЕСОСЕКА

От кровавых мозолей
Пламенела рука.
Говорил Анатолий:
— Что, кишка, брат, тонка?
Ты для бодрости гикни
Или крикни: «Ура!»
Вникни,
Разумом вникни
В механизм топора.
И в сердцах, что есть силы,
Я вникал сгоряча
В сердцевину осины
Топором от плеча.
А напарник лукаво
Хохотал на весь лес.
Мне казалось:
Сам дьявол
В его душу залез.
А назавтра мы лесом
Загружали вагон.

Слабаком и балбесом
Костерил меня он.
Роба пухла от пота.
А вагон, словно пасть:
Бревнам не было счета...
Только б мне не упасть.
Продержаться бы только,
Но слабела рука.
И с ухмылочкой Толька:
— Что, кишка, брат, тонка?
В чащах новые всходы
Поднялись от земли.
И не бревна, а годы
На вагоны легли.
И когда было трудно,
Цель была далека,
Слышал я из-под спуда:
— Что, кишка, брат, тонка?
Я, как черт, упирался,
Я любое сносил.
А потом удивлялся:
Где бралось столько сил?!

* * *

Под гитару пел я с чувством.
Стыли рюмки на столе.
И ценил мое искусство
Друг в единственном числе.

Наплывали мысли роем,
И в окно глядел рассвет,
А годков-то нам обоим,
Почитай, под сотню лет.

Пусть под сотню! Ну и что же?
Не с того ли хороши,
Вполовину нас моложе
Лились песни от души.

И гитара, ох, как смело
Песням вписываясь в лад,
Так залиvisto звенела,
Будто много лет назад.

И у друга невесомо
Из-под челочки седой
Бил из глаз огонь веселый,
Молодой-премолодой.

ЛЕБЕДА

Как в военные года,
Медленно, но хватко
Отрастает лебеда
Вдоль по нашим грядкам.

И как раньше на еду,—
Что сейчас в ней толку!—
Оставляет лебеду
Мама при прополке.

Что не рвет мать лебеды,
Нет в том закавычки:
После памятной беды
Это по привычке.

* * *

Как сохатый длинноногий,
Шел я к лесу напрямик.
Белой кепкой от дороги
Помахал мне борщевик.

— Здравствуй, кореш незабвенный,
Я тебя забыть не мог:
В год меня
Послевоенный
Ты от голода сберег.

РОЯЛЬ

Давным-давно в холодной ветхой школе,
Укутанной в заснеженную шаль,
В большом углу, как лодка на приколе,
Стоял разбитый, старенький рояль.
Сушились звуков трепетные весла.
Я их совсем не слышал и не знал,
Поскольку на рояле том из взрослых
Никто в ту пору, помню, не играл.
Он выглядел совсем не образцово,
Но как-то намечалось торжество;
От взрослых глаз, как от дождя косою,
Я спрятался под днищем у него.
И закачавшись, раскололась школа,
И накренившись, ожил тихий зал.
Была лодчонка сорвана с прикола,
И я поплыл в неведомую даль.
И плыл, и плыла я, взбалмошный
мальчонка,
Стучали волны о корму взахлеб,
И по спине моей, под фуфайчонкой,
Бродил не то огонь, не то озноб.

А за стеной от частых похоронок
Проплаканый и от коптилок слеп
Дремал устало сумрачный поселок.
И снился людям в каждом доме хлеб.
И я не знал, что мне предназначался
Не голодом очерченный удел.
А школьный зал качался и качался,
И я в углу нахохлившись сидел,
И было далеко мне до причала.
Кружился танец, платьями шурша.
И плакала во мне и замирала
Во что-то посвященная душа.

* * *

Я учился в третьем классе.
Дед твердил в трехсотый раз:
— Внук, гляди,
В меня удался:
Бойкий будет кедролаз.
Сердобольная старуха,
Повернувшись от печи,
Обрывала деда глухо:
— Все попилят кедрачи,
Сгинет лес как от напасти,
Не отыщешь и кола.
И в ее словах отчасти
Правда горькая жила.
Нет давно уже старушки,
А за ней и дед исчез.
И повыпилен в округе,
И свезен куда-то лес.
Только чахлые околки
Да осинник, что свеча.
И тружусь я на прополке
Первогодка кедрача.

Где березняк ветрами выстеган,
В знак бескорыстия и любви
Рябинка гребешковым листиком
Расчешет волосы мои.
И я себя увижу маленьким,
Душа — кутеночек к ногам,
Как будто о Цветочке Аленьком
Читаю сказку по слогам.
Увижу воскресенье вербное
И пасхи тайное крыло.
Как будто с мамою под вербами
Идем в соседнее село.
И новизной обескураженный —
К всему летучий интерес —
В избе у тетки разнаряженной
Я говорю: «Христос воскрес!»
Я вижу перемены резкие,
И солнце — сизарем в лицо...
Вскочило лето пионерское
На босоное крыльцо.

С футболом и со штангой вескою,
От бед спасая и от зол,
Меня, парнишку деревенского,
Растит спортивный комсомол.
И в этой краткой отрешенности
Так просто понимаю я
Во всей своей неповторенности
Всю быстротечность бытия.
А где-то тихо позаречные
Поют пичуги в стороне.
И стынут кедры вековечные,
И травы кланяются мне.

НАЧАЛО ОСЕНИ

Под легкими березками
Средь зелени резной,
Кукушкиными слезками
Оплакан летний зной.

Давно ли за околицей
У елок и осин
Лесные колокольчики
Вызванивали синь?

Носились пчелы стрелами.
А ныне — примечай —
Набросил шубки белые
На плечи иван-чай.

Бреду по жухлым лютикам.
И мне, на песни прост,
Осенние прелюдии
Высвистывает дрозд.

ПОДОСИНОВИК

Осины тянулись до туч
Прямые, как солнечный луч,
И гриб у подножья осин
Краснел, как их солнечный сын.

* * *

Где-то в глухариной глухомани
За просветом выцветших берез
Одиноко в предрассветной рани
Обо мне тоскует тихий плес.
В нем, как льдинки, тихо стынут звезды.
Вкруг на километры — ни души.
Лёсы там не рассекают воздух,
Не ныряют лодки в камыши.
Тихий плес...
В урочищах таежных
Окаймленный густо в тальники,
Он затерян в чаще бездорожья
За изгибом сумрачной реки.
И когда по задремавшим пихтам
Звездопад ударит проливной,
Тихий плес ко мне совсем не тихо
Прямо в душу плещется волной.
Тихий плес...
Я знаю, в эту осень,
По песку печатая шаги,
Из тайги к тебе выходят лоси
И стоят, застывши у воды.

* * *

Там,
Где за серым склоном стыло
Ветра осипшие свистят,
Талинка в речку обронила
Свой износившийся наряд.

В отчаянье под хлестким ветром,
Как от свалившейся беды,
Она заламывает ветви,
Своей пугаясь наготы.

* * *

Обрезают тополя
С листьями поблеклыми,
Обрезают тополя
Под моими окнами.
Острозубая пила
Грубо и уверенно
Обнажает догола
Дерево за деревом.
Обрезают тополя.
Вовсе не обрубками —
Устилается земля
Скрюченными трупами.
Островерхие стволы,
В синеву влюбленные,
Превращаются в столбы
Неодушевленные.
Отрастать им по весне,
И перед прохожими
Они вырядятся все
Однолико схожими.

Одноликие дома...
Улицы... однако же
Лень закисшего ума —
Эта одинаковость.

Я люблю таких людей,
Чье влечет внимание
Разных мыслей и идей
Противостояние.
Выложь душу на ладонь!—
В драке мнений исстари
Высекается огонь
Красоты и истины.

Обрезают тополя:
Лишнее в стороночку,
Как детей учителя,—
Под одну гребеночку.
Под единый под ранжир
Деревца подогнаны.
Стынет день, убог и сир,
Под моими окнами.

ВСТРЕЧА

Зевая, брал в лесу я хмель,
И вдруг —
Незванный гость,
Миролюбивый, будто шмель,
Из чащи вышел лось.

— И долго ль,—
Я его спросил,—
Ты обо мне скучал?
Он глаз оранжево скосил
И важно промолчал.

Затем протопал стороной
И скрылся без помех.
И только уши над спиной
Локаторами — вверх.

И промелькнуло в голове:
Примеры множит жизнь —
Столкнулись зверь и человек
И с миром разошлись.

БУРУНДУЧОК

Чуть-чуть повыше корневища,
Где в дереве прогнил сучок,
Устроил вход в свое жилище
Смекалистый бурундучок.
И чтоб в своем дупле уютном
Голодной смертью не пропасть,
Он пополнял ежеминутно
К зиме ореховый запас.
Но как-то мимо по-над взгорью
Шел человек — шаги, как гром.
И дерево срубил под корень
Он расторопным топором.
Присев на корточки, без спешки
Прицыкнул на своих собак,
Собрал гремучие орешки
К себе в потрепанный рюкзак.
Свернул сигарку. В сумрак редкий
Ушел. Качнулася лоза.
У пня застыли, как орехи,
Бурундучиные глаза.

ШИШКАРЬ

Оставив где-то утром рано
Свой незадачливый ночлег,
Сажу под кедром-великаном,
Как первобытный человек.
«Сентябрь, сентябрь!»—
Кедровка сыто
Кричит за ельником в логу.
Я пригоршнями сыплю в сито
Шершавых шишек шелуху.
А это сито, не смешно ли,
Сосед-проныра дед Сазон
Однажды из музея в школе
Стащил в ореховый сезон.
И сито предков снова в спешке
В руках танцует, как челнок,
И глухо падают орешки
На берестину возле ног.
О, это древнее шишкарство!
Из века в век по кедрочам
С лихвой отпущены мытарства
В тайге бедовым шишкарям.

Сижу оборванный, небритый,
В смоле измазанный до пят.
А предо мной валец да сито,
Музейно-древний агрегат.

НЕЛЬКА

Спят кедролазы в Нелькином логу.
Уснули кедрачи,
Не спит лишь Нелька,
И слушает усталую тайгу,
И щелкает орехи, словно белка.
Морщинкой тонкой, вышедшей на лоб,
Ползут неясно скрытые тревоги.
...В тайге так много проторила троп,
А в жизни не нашла своей дороги.
Была забита вечно голова
Охотою на мелкие удачи,
И не понять:
О чем кричит сова
В родном логу,
О чем она так плачет?..
В костре ликуют желтые огни.
И в хвою жухлую, где вмяты незабудки,
К ее ногам, как прожитые дни,
На землю тихо падают скорлупки.

И Нелька что-то силится понять,
И главного понять не в силах Нелька.
И до утра не отпускает спать
Ее в костре поленьев перестрелка.

* * *

П. Фомчину

Сколько раз ты поверишь
Крепко в друга, но друг
Вдруг уходит за двери
В заколдованный круг.

Он зажат, как в кавычки,
В свой интим, свой удел,
В роковые привычки,
В нескончаемость дел.

Птицы, сбившись по стаям,
Снова тянут на юг...
Смотришь, с ними растаял
Близкий некогда друг.

И бегут торопливо
Беспокойные дни.
И опять нам тоскливо,
И опять мы одни.

Так с годами все чаще,
Отрешенней и злей
Мы впадаем, как в спячку,
В разобщенность друзей.

* * *

С предгорий пахнуло гарью,
И сердцу легко и грустно,
Как в хвое под пихтой старой,
Где выбраны кем-то грузди.
Желна голосит тоскливо,
И я понимаю: лето
Бурундучком пугливым
Упрятано рядом где-то.
И скоро в полях оно мне
В мороз по лыжне намятой
Не раз о себе напомнит
С остожьев щемящей мятой.

* * *

Если сердце вдруг запросит,
Что ему чего-то надо,
Я войду туда, где осень
Без ума от листопада.
Мне нарядная береза
Скажет нежно и певуче:
— Нынче пламенная осень
Обживает день свой лучший.
Есть у зимушки морозной
Праздник в ночь —
Рождение года.
У весны многоголосой
Это — праздник ледохода.
Листопадом бредит осень.
И тебе понять бы надо:
Своего, конечно, просит
Твое сердце листопада.

В автолавке, у магазина,
Чемодан покупает мужчина.
Дома комод, шифоньер, диван,
И вдруг понадобился чемодан.
А рядом железнодорожная магистраль.
Долго ль отсюда умчаться вдаль?
К перрону вагонов пристал караван.
Мужчине требуется чемодан.
А может быть, это сон, обман?
Быть может, не нужен совсем чемодан?
Быть может, бездумье всему виной?
Быть может... быть может, вернуться
домой?

Домой...
Навряд ли его там ждут.
Домой...
Его там опять не поймут.
И там, вероятно, сочтут за обман,
Что дьявольски трудно купить чемодан.
Но что так тоскливо,
Чего так жаль?

Торопится поезд умчаться вдаль.

Вот и сигнал на посадку дан.

Мужчине необходим чемодан!

Все кончено!

Дом стал не домом,

Но дома

Сыннишка, сынок, лепетун-несмышлениш.

«Как же он будет расти без меня?»

...Мужчина купил паровоз и коня.

* * *

Падал снег белый-белый
На метелки акаций,
На тростинки осинок,
И на ель, и на зайца.
Падал снег,
Да растаял.
Солнце днем засмеялось,
Что шубейка на зайце
Белой так и осталась.

* * *

Щедро первые метели
Нарядили — глянуть любо —
Пихты важные и ели
В горностаевые шубы.

Белопенной тканью вышит
За рекой талинник частый.
Каждый куст сегодня дышит
Ярким праздничным убранством.

По распадкам и оврагам
Перезвон синичий льется.
И полощет красным флагом
Над морозным лесом солнце.

КАЛИНА

Саше

Ветер тычется в спину,
Лезет холод в пимы.
Собираю калину
В самом сердце зимы.

Пальцы — гнутые гвозди,
В горсть свести не могу.
Стынут жаркие грозди
На студеном снегу.

Лыжей в сторону двину
И уйду не спеша.
Ах, калина, калина,
До чего хороша!

А с калиной
Хозяйка,
Где снимаю я кров,

Снова, встав спозаранку,
Напечет пирогов.

Предложить не посмест —
Больно суженый строг.
Только щеки зардеют,
Что калиновый сок.

* * *

Под расшитые в иней березы
Я опять, как мальчишка, сбегу
Свиристей стеклянную россыпь
Собирать на рассветном снегу.

Переливчатый посвист синицы,
Что в морозе застыл на весу,
Для любимой своей в рукавицы
Я с талинки сквозной потрясу,

Чтоб, звеня и сверкая, при встрече
Мой язык был и ярок, и нов.
Ни к чему мне пустячные речи
Да убогость изношенных слов.

Но увижу тебя я, и живо
Вновь себя на обычном ловлю...
Как сказать мне: «Ты очень красива»?
Как сказать мне: «Тебя я люблю»?

* * *

Спиннинговой катушкой,
На морозе звеня,
До рабочей избушки
Раскрутилась лыжня.

Лыжи, ткнувшись с излучки
О торосов гряде,
Как замерзшие щуки,
Распластались на льду.

Ноги в крагах лосиных
Тащат в сени друзья,
Иней вылепил спины
Чешуею язя.

Над горбатою крышей
Срезал ветки дымок...
Оживает и дышит
На плите котелок.

Запах рыбы и лука,
Перестуки ножа.
И остроты друг в друга,
Как иголки ерша.

Нет ушицы с наваром,
Чаю выпито всласть,
На широкие нары
Можно вольно упасть.

Бродит сумрак в сторожке
Сладкой поступью сна.
...То ли месяц в окошке,
То ли в лунке блесна.

ТАЙГА МОЯ

Умолк пугливый витютень,
По дуплам белка цокот прячет.
В тайге стреляют целый день,
И каждый выстрел что-то значит.
Тайга!
Ненастится огнем
Твое волшебное величье.
Становишься ты день за днем
И беззверней и бесптичей.
Теряешь ты свои черты,
Не хлебом стала, а половиной.
Из года в год не в силах ты
Для всех быть дойною коровой.
В тебя порой, как на руду,
Идут
И, средств не выбирая,
Стригут, по-всякому стригут:
И поперек, и вдоль, и с краю.
Тайга!
Любви великой дрожь
В твоей упрятана природе.

Ты от болезней сбережешь
И от несчастий загородишь.
Люблю я глушь твоей тиши,
Люблю шмелиные спектакли.
Здесь родники моей души
Не пересохли, не иссякли.
И музыки, чем птичий гам,
Милей не надо мне.
О, люди!
Давайте в лес входить мы будем,
Как в старину входили в храм.

МОЙ ГОРОД

Горизонт над тайгой
Новым утром зарею распорот.
И над шпильями пихт
Горделив, и осанист, и нов,
Будто в кадрах кино,
Очень просто
И сказочно скоро
Поднимается город ^{тайги}
Из ^{зелени} снежных январских снегов.

Как постичь этот ритм,
Как размахов измерить законы?
Если дебри вчера,
А сегодня — проспекты легли,
Если предки мои —
Этих мест кержаки и чалдоны —
Даже в песнях и снах
И мечтать о таком не могли.

Дед мой белок стрелял,
Был, как леший, замшелого права,

И барзасская глушь
Не скупилась ему на дары.
Где вот эти дома
Утвердили на жизнь свое право,
Я, мальчишка-шишкарь,
С ним охотничьи жег здесь костры.

И во мне бродит кровь
Приискателя и зверолова,
Только песни иные
В родные края занесло,
И душа не смогла
Устоять перед этой новью,
И пришлось разменять
Дедом данное мне ремесло.

По проспекту иду —
Дышит каждая пядь новизною!
Город вширь распростерт,
И во мне его песня звенит.
Ребятнею в дворах
Полон он, как скворещни весною,
И копры возле шахт
Упираются лбами в зенит.

* * *

Сосны сдвинулись с места.
Дятлов смолк перестук.
Ты выходишь из леса
На расцвеченный луг,
Где шмелей в желтой кашке
Важный вяжется гуд.
И ромашки, ромашки
Рядом к речке бегут.
И застыл над опушкой
Чибис в синь-синеве.
Солнце милой зверюшкой
Кувыркнулось в траве.
А потом на осоке,
Где от ломаных ив
Прямо в омут глубокий
Круто падал обрыв,
Ты сидела у кромки,
Тихо-тихо дыша,
Молча божью коровку
На ладошке держа.

За талинник лиловый
Зорька шла зоревать...
Только нужного слова
Не сумел я сказать,
И резная косынка
За речной травостой
Скрылась белой кувшинкой
Под зеленой водой.

* * *

Пушисто-белою метелицей
Через овраги и цветы
Пусть мягкие туманы стелются,
Чтоб снова вспоминалась ты.

И от туманов, и от донника
Пусть будет ночь белым-бела.
Пусть, как часы на подоконнике,
В ней застучат перепела.

И я тропинкою прибрежною,
Где елей контуры остры,
Сбегу в туманы белоснежные
Зажечь высокие костры.

И закрубятся, и покатаются
Туманы тайные в урман,
И ты ко мне в воздушном платице
Шагнешь сквозь травы и туман.

И вспыхнет родинкой у плечика
Звезда, сошедшая с небес,
В небытие уйдут кузнечики,
И онемеем птичий лес.

И сердце прожитым наполнится.
Ночь проплывет белым-бела.
И в травах, вспомнив о бессоннице,
Вновь застучат перепела.

* * *

На сердце было и в природе
И полутьма, и полусвет,
Когда по выгнутой дороге
Ты шла в предутренний рассвет.

И от меня за поворотом
Тебя отсек талины куст.
День оборачивался годом,
Он был бессмысленен... И пуст.

Вставал туман в логу стеною,
Кричал дергач, свое трубя.
И ты была, была со мною.
И больше не было тебя.

* * *

Какие ветры мне укажут
Те родниковые сады,
Где под разводьями ромашек
Твои упрятаны следы?
Плывет асфальт,
Струятся крыши,
И к вечности нисходит дым.
А где-то ты
Живешь и дышишь
Со мною
Воздухом
Одним.

* * *

В нежданный час
На перепутье
Твоя звезда с моей звездой,
Как две крутые капли ртути,
Слились
И сделались одной.
Теперь,
Как след мой на тропинке,
Как в горле звук,
Как в песне ритм,
Как солнце в утренней росинке,
Твоя звезда
В моей горит.
И я,
Над памятным предместьем
Пробившись в каждое окно,
Хочу,
Чтоб долго-долго вместе
Они светили
Заодно.

* * *

Где выстелило солнышко
Под сенью кедрача
Зеленым шелком донышко
Таежного ключа,
Где дикими гвоздиками
У тропок, цветом в май,
Нацелен в небо пиками
Красавец иван-чай,
Где в ельнике, под лапами,
Ночует вечно тень,
Туда парными травами
Уйду на целый день.
И все, что сердцу дорого,
Отыщется в лесу,
С собою в людный город я
Под вечер принесу.
И щедро, и восторженно
Я буду много дней
Находками таежными
Одаривать людей.

СОДЕРЖАНИЕ

Таволга	3
Сибирский соловей	5
Лето	7
Жимолость	9
«Из гнезда коналухой...»	10
«Иду по солнечному лугу...»	11
«Как строчка яркого стиха...»	12
«Гром ударил раскатом...»	14
«По душе мне эта штука...»	16
Конец июня	18
«Воздух — мята. Травы — мед...»	19
«Бродит в поле ночью тихою...»	21
«Где метяк под елью мглистой...»	22
«У лесного перекрестка...»	23
По Тайдону	24
Зубчатая гора	26
«С трубою черной на макушке...»	28
«Снег, укрой сегодня землю...»	30
«По охотничьей чаше...»	31
«Как могло случиться?...»	32

«Где летом в Яю Барыня...»	33
Рассказ рыбака	35
«По чащам отбесились ветры...»	37
Дурной ключ	38
Дедушкина речка	41
Лесосека	43
«Под гитару пел я с чувством...»	45
Лебеда	47
«Как сохатый длинноногий...»	48
Рояль	49
«Я учился в третьем классе...»	51
«Где березняк ветвями выстеган...»	52
Начало осени	54
Подосиновик	55
«Где-то в глухаринной глухомани...»	56
«Там, где за серым склоном стыло...»	57
«Обрезают тополя...»	58
Встреча	60
Бурундучок	61
Шишкарь	62
Нелька	64
«Сколько раз ты согласишься...»	66
«С предгорий пахнуло гарью...»	68
«Если сердце вдруг запросит...»	69
«В автолавке, у магазина...»	70
«Падал снег белый-белый...»	72
«Щедро первые метели...»	73
Калина	74
«Под расшитые в иней березы...»	76

«Спишинговой катушкой...»	77
Тайга моя	79
Мой город	81
«Сосны сдвинулись с места...»	83
«Пушисто-белою метелицей...»	85
« На сердце было и в природе... »	87
« Какие ветры мне укажут... »	88
« В неожиданный час... »	89
« Где выстелило солнышко... »	90

Гержидович Л. М.

Г 37 Таволга. Стихи. Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1979

96 стр. 5000 экз. 20 коп.

Вторая книга поэта, влюбленного в свой таежный край, в свой молодой сибирский город с поэтичным названием Березовский. Пафос его стихов — в любви к природе, в стремлении хранить чистоту человеческих отношений.

Г $\frac{70402-10}{M145(03)-79}$ 25-79

P₂

ИБ № 290

*Леонид Михайлович
Гержидович*

ТАВОЛГА

Стихи

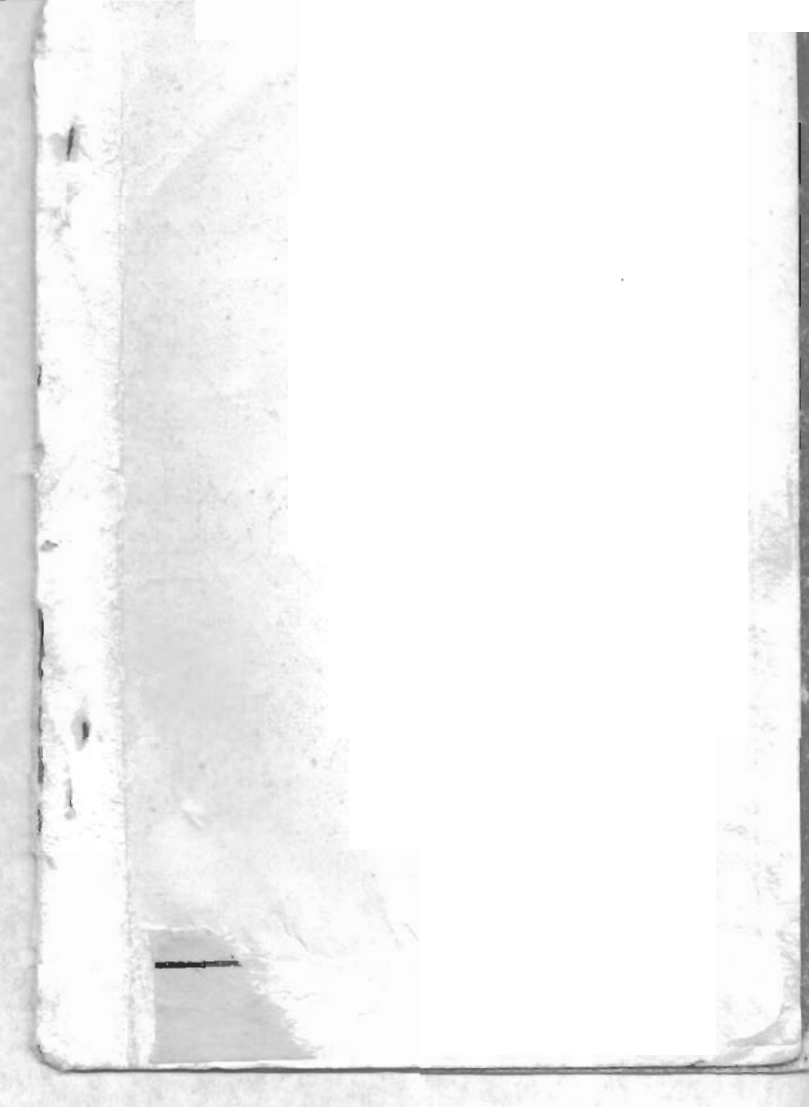
*

Редактор **Т. И. Махалова**
Художественный редактор
А. С. Ротовский
Технический редактор
Г. В. Адова
Корректор **В. А. Лузина**

*

Сдано в набор 30.VIII.1978 г. Под-
писано к печати 14.XI.1978 г. Фор-
мат 60×84¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. Усл. печ. л. 2,79. Уч.-изд.
л. 2,09. Тираж 5000. ОП00740. Заказ
№ 13292. Цена 20 коп. Кемеровское
книжное издательство. Кемерово,
Ноградская, 5. Полиграфкомбинат.
Кемерово, Ноградская, 5.

*

20 коп.

КЕМЕРОВО 1979